

БЕСЕДЫ ОБ ИСКУССТВЕ

● Народное искусство — основа художественной культуры. Формула эта стала привычной, почти что расхожей. Вместе с тем для каждого поколения народная традиция предстает в определенном ракурсе, ее ценности вызывают к себе разное отношение. Однако в ответственные, переломные моменты общественной жизни, когда возрастает потребность в воссоединении со своими культурными корнями, со своей историей, происходит и всплеск интереса к народному творчеству. И каждая эпоха видит в этом наследии прежде всего то, что близко ей самой.

ТАК ПРОИСХОДИТ и с отдельными личностями. В частности, с Людмилой Зыкиной. Подхватив в свое время эстафету концертного пения в народных традициях, она привнесла в него нечто индивидуальное, неповторимо характерное: лирическую широту, проникновенность, большую эмоциональную силу. В почте «Иправды» трудно найти письмо, касающееся вопросов песенной культуры, в котором с уважением не упоминалось бы ее имя. Сегодня Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, народная артистка СССР Людмила Георгиевна Зыкина делится с читателями газеты своими мыслями о месте народного творчества, песенного искусства в духовной жизни современного общества.

— Ныне, как никогда прежде, на облик искусства влияет широкий круг зрительских симпатий, представлений, склонностей. Фольклору же такая связь с массовым художественным сознанием была присуща всегда. Не оттого ли народные традиции так активно продолжают сейчас в самые разные сферы художественного творчества, давая порой весьма неожиданные результаты?

— Видите ли, художественное произведение всегда воплощает собой синтез, соединение человеческих представлений, мыслей, стремлений. Так же и народная песня. Это рассказ о прошлом, жгучее воспоминание о нем. Она помогает понять и оценить настоящее и уверенно смотреть в будущее. Подлинно народные песни меньше всего «музейны» и этнографичны, они словно созданы только что, а не века назад. Дело, вероятно, еще в особой предметности, в яркой конкретике образов народной песни. В них гудит великая народная воля, высятся могучие и страстные характеры, костром горит ликование свершений. И все это современно, песня — в фокусе идей эпохи. Несколько лет назад, правда, мне казалось, что интерес к народной песне несколько сниж. Может быть, мы зашли в тупик, застопорились сами в себе — кто знает. Но положение меняется. Теперь люди стали проявлять, я бы сказала, не только заинтересованное, а заботливое отношение к народным шедеврам. Появлялись песни народная помогает лучше познать мир, сблизить человека с Родиной, Отечеством.

Не так давно довелось петь в госпитале для наших воинов-интернационалистов, раненных в Афганистане. Я была потрясена небывалым приемом, который мне оказали вернувшиеся на Родину солдаты. Глядя на спокойные, сосредоточенные и одновременно одухотворенные лица парней, поначалу растерялась и так разволновалась, что перехватило дыхание, и с величайшим трудом — спасибо, опыт выручил, — продолжила концерт. А после него поехала: мои песни нашли точный адрес. Молодые люди, в общем-то, наверное, тяготеющие больше к Высоцкому или, скажем, к Гребенщикову, через народную классику обрели состояние, равное неповторимому мигу счастья, почти осязаемого ощущения неразрывной связи с Родиной. Всколыхнуть душу, согреть сердце воина в наш бурный, все испытавший век — задача непростая даже для тех, кому положено ее решать по статусу — маме, невесте, жене. И гастрольные поездки по стране подтверждают ту же мысль: авторитет народной песни, фольклора непререкаем. Без них не обойтись ни одному самобытному, ищущему коллективу. Чем вызван, например, семнадцатилетний успех узбекского ансамбля «Ялла»? Вдумчивой, серьезной работой с национальным фольклором, впитыванием его живительных соков. И никакое, даже самое активное освоение приемов смежных искусств не заслонит главного — народности. Одно время артистов этого ансамбля критиковали, что, дескать, их стиль напоминает «Битлз». И это в каком-то смысле верно, потому что и стиль ливерпульской четверки замешан на ярко выраженной национальной основе.

— Истатист, большинство «грандов» мировой эстрады всегда приспосабливалось и голосам народного творчества, извлекая из них несомненную пользу.

— ...Причем к голосам не только своего народа, но и к творческому наследию других национальных культур. Мирей Матье, делавшая первые шаги на эстраде, выглядела, как это ни покажется парадоксальным, прилежной ученицей в усвоении мелодий и ритмов песен, исполнившихся Ансамблем песни и пляски Советской Армии в дни длительных гастрольных коллективов в Париже. Джеймс Ласт, Леонард Бернстайн, Рэй Конифф так или иначе в разной степени испытали влияние музыки Чайковского, Рахманинова — композиторов интернационального значения, но при том глубоко русского направления, корни которого ушли в фольклор, народную музыку. Получается как бы переплетение симфонизма, фольклора, джаза. Вроде бы все «чужаки», ничего общего между собой не имеют, а сошлись, да еще как. Результат — богатство тембровых звучаний, необычные гармонические и полифонические сочетания, бесподобная игра ритмов. Вот где берет начало один из путей к пониманию общечеловеческой значимости художественной культуры в разных ее проявлениях.

— За сорок лет работы на песенной эстраде вам приходилось наблюдать приход на сцену не одного поколения исполнителей. Скажите, пожалуйста, какие процессы в современном искусстве, в нашей современной социальной жизни заслуживают, на ваш взгляд, особо пристального внимания?

— Мне трудно дать однозначный ответ, потому что я, например, очень симпатизирую всем, кто способен сказать свое индивидуальное слово. В частности, молодые наши и столетние, и периферийные певцы и музыканты многое уже сделали в борьбе с закостенелостью, штампами, рутинной, которых немало было на нашей сцене. Но мои симпатии вовсе не предполагают ликования по поводу всего того, что сделано. Меня настораживает, что поиски иных «творцов» эстрады порой относятся больше к формальной стороне дела, чем к сути, содержанию.

Вряд ли добьется серьезного успеха музыкант, если он ставит перед собой чисто полемические задачи. Не принимать рутину и штампы — плодотворно. Однако одно лишь неприятие как таковое не может породить серьезную художественную концепцию, художественное решение. Порождать его может только попытка понять, осмыслить жизненные процессы. В противном случае на смену одним штампам и поделкам очень скоро придут другие. Эксперимент ради эксперимента — это так же бесплодно, как и художественный догматизм, нежелание прислушаться к голосу нового.

А новое наступает, как говорится, по всему фронту, и революционный характер перестройки, масштабы очередных задач предъявляют к каждому высочайшие требования. И тут непочатый край работы, потому что есть у нас еще и многочисленные факты гражданской незрелости, и пренебрежительное отношение к интересам общества, и идейно-нравственная «всеядность», и отрицание общепринятого только за его общепринятости. Во что бы то ни стало не так, как все! У меня до сих пор в памяти концерт, состоявшийся в одном из столичных дворцов культуры года три назад. Речь идет о «металлическом» роке, имевшем ранее привкус «запретного плода». Атмосфера гласности выну-

дила руководство столичного комсомола разрешить молодежи самой разобраться, что к чему. Разобрались... После первых аккордов группы «Шах» публика в кожаных безрукавках, браслетах, металлических цепях, намотанных по всему телу, всколыхнула на кресла, вытягивая вперед руки и вопя: «Металл!!!» Потом началось соревнование зала и сцены: кто кого? С одной стороны — электродецибелы, с другой — истошные ругательства, визги. Тексты песен тоже ничего общего с искусством не имели: со сцены на дурном английском языке звучали сентенции типа «Я тебя люблю, я тебя убью!» «Шаха» сменила группа «99 %». Солист с быстрой карманника выскочил на сцену и швырнул микрофонную стойку в публику. В зале началась борьба за обладание ею, перешедшая в рукопашную поклонников обеих групп. Странно было слушать русскую речь, казалось, что ты где-нибудь в Чикаго. В зале бушевала энергия молодых, которым, по правде говоря, думаю, было наплевать на весь этот «металлизм», требовавшийся лишь самовыражение, выплеск своих кипучих сил.

Да, было время — переусердствовали в запретах. Теперь можем переусердствовать в угождении, путая демократию со вседозволенностью, вскармливая тем самым потребительскую психологию.

И все же не запрещать, по-моему, надо, а воспитывать, разъяснять. Не ставить плазбаумы, а развивать собственную эстраду, оптимистическую, жизнеутверждающую. Ведь

НАШ СОБЕСЕДНИК

народная артистка СССР Людмила ЗЫКИНА

В ПЕСНЕ — ДУША НАРОДА

есть же среди рок-групп и эстрадных ансамблей самобытные, интересные коллективы с ярко выраженным творческим лицом — «Автограф», «Диалог», «Аквариум», «Браво», «Кино»... Конечно, не все идет иной раз гладко — ни один творческий, ищущий коллектив не гарантирован от неудач. Но желание приобщить слушателей к богатым современным искусства, к его подлинным образцам заслуживает всяческой поддержки. По этим приметам можно судить о гражданской зрелости исполнителей, их эстетической самостоятельности и ответственности перед публикой. Да и нынешний этап развития общества предъявляет определенные требования к духовному уровню любого музыкального сочинения, рождает потребность в новых способах выражения чувств.

— Нет нужды подчеркивать, что особенности художественного творчества всякой данной эпохи находятся в самой тесной причинной связи с господствующими общественными настроениями. Но беда многих коллективов и их лидеров состоит, думаю, в том, что в поисках новых способов выражения, ярких стилистических красок они доходят до приемов, которые никак не ведут их к поставленным целям. Отсюда — примитивизм, вульгаризаторство, откровенная пошлость. О каком вдохновении, о каких высоких идеях может идти речь, когда эстрада часто потягивает стихией гротеска, вихарянием коллективного психоза.

— Тут, наверное, действует магия моды, магия имен. Во многих случаях человек, попав на концерт и глядя на сцену, доверяет не своим непосредственным впечатлениям, а заранее составленным представлениям о том, каковы эти впечатления должны быть. Происходит это, по-моему, от интеллектуального инфантилизма, дефицита культуры, воспитанности, а в конечном счете — от шаткости гражданских, мировоззренческих корней. Очень важно найти в себе духовные возможности для правильной ориентации. Но верю: когда все станет на круги своя, каждый воспитанный человек сможет достаточно объективно определить для себя приоритеты в искусстве, ориентируясь на свой собственный вкус. Тогда и роль искусства как средства духовного воспитания еще более увеличится.

— Не кажется ли вам, Людмила Георгиевна, что сейчас любой мало-мальски умеющий петь и обладающий чувством ритма человек может стать вровень со многими исполнителями шоу-концертов?

— Умение еще не искусство, и такого человека нельзя отнести к категории художников, творцов. Им может быть и субъект, движимый потребительским, коммерческим отношением к искусству. Ему абсолютно наплевать на то, что исполняемые им «сочинения» могут страдать, скажем, отсутствием динамичных жизненных образов, неразвитостью музыки и текста, обилием отвлекающих поверхностных фраз, идущих не от сердца, не от реальных жизненных впечатлений, а от пустоты в голове, которая, простите за откровенность, действительно бывает пуста, как барабан, как осенний лес, с точки зрения настоящего искусства, разумеется.

Далеко не всякому композитору, поэту дано подметить особенности окружающей жизни, ее типические черты. Процесс создания песни непрост, и простота ее лишь кажущаяся. Она отнюдь не предполагает легковесности. За каждым сочинением должны стоять и жизненные впечатления, и творческие муки, и осознание высокой миссии художника, и пламя новых открытий. К тому же искус-

ство обновляется вместе с нами и временем. Порой даже большим мастерам культуры, профессионалам нелегко дается путь к зрительской или слушательской.

Бывает и так, что один-единственный успех в одной песне, когда материал сочинения случайно совпал с индивидуальностью, приводит исполнителей к мысли, что им все дозволено, что мастерством и профессионализмом они овладели, и теперь без труда можно пожинать плоды. О мало-мальски удачно спетой песне трубим так, будто это выдающееся событие, поощряя тем самым самомнение, эгоцентризм. Нет, утверждение таланта — всегда сложный, подчас мучительный процесс. Так что найти свое творческое лицо в нашем многообразном мире совсем не просто. Даже в художественной самодельности, перед которой также стоит целый ряд серьезных проблем.

— Каких именно?

— Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что духовная культура — фундамент нравственной прочности общества. И укреплять его может только напряженная, планомерная работа, приносящая реальную, осязаемую отдачу. А когда нет такой работы — нет и отдачи. Возьмите нашу неповоротливость в строительстве домов и дворцов культуры. Государство отпускает немалые средства, а используются они наполовину или того меньше. На всеобщем совещании по развитию самодельности народного творчества приводились удручающие цифры: тринадцать лет строится Дворец культуры объединения «Бугульманефтемаш» в Татарии, двенадцать — районный Дом культуры в Мытищах Московской области, восемь — Дворец культуры «Строитель» в Вологодске. Могут называть еще десяток-другой «долгостроев». Безобразно оснащены и учреждения культуры. Слабо внедряются новейшие технические достижения — телевизионные стереоскопы, видеотехника, голография, лазерные проигрыватели, игровые компьютеры. Чтобы современный человек стал хозяином в клубе, ему нужны соответствующие условия. Тогда проще будет искать пути демократизации в этой сфере и

в Америке журналисты наперебой распрашивали меня о Пастернаке, Сахарове, Тарковском... Что им было отвечать? Что мы не умеем беречь таланты? Что не прислушиваемся к голосу ученых и художников, смело исповедующих собственное видение мира? Что на моей родине есть еще, к сожалению, дураки, которые в силу скудоумия не понимают требований общественной пользы и элементарной нравственности, морали?

— Любому человеку трудно работать в атмосфере неформальности. Мешает еще и предвзятость всех величин и сортов.

— Опыт говорит нам, что наиболее беззащитными, уязвимыми перед лицом всякого рода нападков, групповых пристрастий как раз и оказывались подлинные мастера. Предполагаю, что это происходит из-за занятости своим любимым делом, отсутствия времени на околухудожественные споры или дебаты в кругу аппаратных чиновников.

— Говоря о месте искусства в духовной жизни общества, не следует ли задуматься о том, всегда ли мы имеем достаточно требовательных к себе, не увлекаемся ли мы почасу мелкими частностями, поспешными выводами в оценке тех или иных явлений, не путаемся ли в постановке конкретных задач и отборе того, что необходимо взять с собой в будущее?

— Долговременными прогнозами пусть занимаются те, кому положено по штату. Я же считаю, что из классики, народного творчества, из кладовой шедевров мировой культуры звуки и правники потечернут то, что им понадобится для самопознания. Говоря словами Луначарского, все, что есть у нас хорошего, радостного, честного, блестящего талантом, мы им вознесем. За бортом останутся уродства, шлам и пепел отбросов, сожженных в борьбе за будущее, все паразитирующее, призывавшее к мировому переделу искусства. Грохот, заглушающий всякую мелодию, разнуданные танцы, доводящие публику и самих исполнителей до иступления — не более как жалкие временщики эстрады. Но вот что любопытно. По-видимому, сама эклектика современности научила людей не отбрасывать сразу прочь все то, что кажется абсурдным, непонятным, даже безобразным. Мало-помалу мы учимся вслушиваться в аргументы друг друга, и растет число тех, кто умеет гордиться всем художественным достоянием человечества, любить все его прошлое, ценит творчество всех наций, всех веков в тех шедеврах, в которых данная форма жизни и чувства нашла точное, сильное, чистое выражение. И, думаю, нельзя противопоставлять культуру отдельной эпохи или национальную культуру идее культуры общечеловеческой. Нелепо было бы отгородиться китайской стеной от западных искусств только потому, что у нас «свое», а там «чужое», которое следует презирать или ненавидеть за то, что оно «буржуазно», а потому уродливо, безнравственно и т. д. Человечество неудержимо идет по пути интернационализации культуры.

— Тем не менее процветает категория людей, принимающих свой личный или групповой вкус за объективный критерий оценки художественных и интеллектуальных ценностей разных времен.

— Еще не родилось течение в культуре, каким бы упадочным ни было оно объявлено теми или другими авторитетами, которое не нашло бы защитников. На смену одним кумирам приходят другие. Их поклонники кричат: «Вот он, истинный бог!» А разве не кумиры Валерий Леонтьев, Алла Пугачева, Владимир Высоцкий? Да, кумиры для определенных общественных слоев и протослов. Есть свои кумиры и в рок-музыке: Элтон Джон, группы «Юрай хип», «Дин перлл»...

Но могу ли я стать противником нового направления в искусстве, открывшего целый мир тембральных красок? Я знаю, каких и сколько сил требует поступательное движение во всякой сфере человеческих стремлений, и выше всего ценю это свойство человека. Знаю, что молодежи оно более присуще и легче дается. И я искренне аплодирую всякому своеобразному таланту. И в рок-музыке попадаются не так уж редко перлы самобытности, истинной художественности, о чем было сказано выше. Однако я не переношу кичливые притязания посредственностей, их прямо-таки фанатичную нетерпимость к тому, что, как говаривал Репин, «не в приходе их секты». Подобные чувства испытываю и тогда, когда их представители, доморощенные современные барды, не обладающие ни талантом, ни знаниями, пытаются беззастенчиво эксплуатировать народную музыку, спекулируя ее непреходящими ценностями. Это боль моего сердца.

— В таком случае что вы думаете об эстрадной обработке народных песен?

— Аранжировка широко известных мелодий имеет право на жизнь, но где, как не в области эстрады, так важен вкус, общая и музыкальная культура исполнителей. У нас много новых превосходных обработок. Но много, мягко говоря, и плохих, варварски искажающих мелодию, навязывающих чуждую ей гармонию, ритм. Нередко под воздействием «стиля» такой обработки песня лишается плавности, ее спокойное, мерное движение будоражит синкопами. Не могу исполнять народные песни или русские романсы в чуждой их стилю обработке, как бы ни было заманчиво попробовать спеть подобные «народные» произведения. Вспоминаются слова П. И. Чайковского, сказанные им сто лет назад, но не утраченные актуальности по сей день: «Никто не может безнаказанно присосунуться святотатственно рукою к такой художественной святыне, как русская народная песня, если он не чувствует себя к тому вполне готовым и достоянным. Он теряет всякое право на звание артиста, он преследует цели не художественные, с искусством ничего общего не имеющие...».

Сейчас вообще расплодилось множество всяких «редакторов» классики. «Обновляют» оперы, балеты... Скоро «доработают» полотно Рафаэля, Рембрандта, Репина... Я не понимаю смысла переделки шедевров великих наших предшественников, оставивших нам наследие совершенно исключительное по высоте нравственных идеалов, глубине проникновения в человеческие судьбы и характеры, по совершенству художественного воплощения. Сегодня мы все дружно звались за очень важное дело — охрану природы, памятников зодчества, по крупному собираем предания старины глубокой, боремся с загрязнением культурной среды... Все это прекрасно. Но когда я вижу, как переинventing в сотый раз «Лебединое озеро», а из Верди — трибуна, «маэстро итальянской революции» делают этакое сентиментальное салонное авторство, меня начинают одолевать сомнения в правильности решения стоящих перед искусством задач. Как же тогда быть с романтиком Шубертом, как «осовременить» классическую сдержанность музыки Генделя, Баха, философскую глубину мысли в романсах Рахманинова, воздушную легкость, красоту творений Моцарта?

— Чтобы научиться передавать особенности содержания того или иного произведения, нюансы партитуры, свое собственное состояние, вы обращаетесь к творчеству самых разных актеров, исполнителей. Что дают вам такие уроки?

— Учеба у известных и малоизвестных мастеров культуры прошлого и настоящего позволяет лучше улавливать дух песни, выявлять ее конструкции, архитектуру. И в то же время помогает выработать свое видение мира, взглянуть на творческий процесс гораздо глубже и шире. Их незаурядность помогает в поиске, учит распознавать истину, избавляться от всего чуждого и наносного.

— Ваш концертный ритм известен: сто двадцать выступлений в год в стране и за рубежом плюс десятки шефских, благотворительных концертов — в фонд помощи разным организациям, организациям. Не тягела ли такая ноша?

— Кто-то очень правильно подметил: умиляет не тот, кто устал, а тот, кто остановился.

Беседу вел
Юрий БЕСПАЛОВ.